

Оригинал

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ.

Прочитавшие нашей художественной литературы раньше и уподобляя ее в настоящее время мы объяснили тем, что прежде литература выходила по преимуществу из культурной среды, богатой жизненным опытом и впечатлениями; а современный «всесоюзный писатель» вынес из своего бедного прошлого одностороннюю радость и печаль, притупляющую творчество, воображение, юмор, смех и прочие необходимые приправы глубокого ума. Брехи того, старые писатели читали и изучали европейских мыслителей, а современные порхают по верхам русской журналистики и с восторгом перечитывают друг друга. От Будищева в восторжении Гинин, от Бунина—Федоров, от Федорова восторгился бы Надсон, от Надсона—Плещеев, от Плещеева—опять Надсон, от Надсона—Федоров и т. д. Даже г. Ноллинский — и тот не был бы издателем. Я даже думаю, что если бы многие современные писатели не воспитывались на шедеврах Тургенева, а точнее последнего понимают только в его «Ермолай и Валетт», в «Штальхут», «Хорь и Калиныч» или в мальчишеской на «Ближний луг». Иностранцы писали: Диккенс, Теккерей, Джордж Байрон, Шмидтгаген, Ауэрбах, В. Гюго, Эркманн-Шатриан и т. д. — тоже уступили теперь место в русской литературе художественным жеманам и опытам пера развившихся европейских писателей, наших же тутчас же поддержку в русской беллетристике последней формации. А в общем, все это сводится к тому, что современный беллетрист довольствуется маленькими фактами, выхваченными из жизни; не умеет надлежащим образом относиться к тому, что он сам воплощает в образы, наконец, он сам расширяет горизонт своего творчества. В свое время, в рассказах, в «Хорь и Калиныч», появление мужских типов и гуманное отношение к человеку имело большое значение; в то время в литературе возникало уже

много новых и более сложных задач. Отнюдь не умаляя исторического значения «Записок охотника», придется сказать, что многие из этих рассказов в настоящее время имеют значение только в классах гимназий. Тот же пересказ Тургенева от собственного лица о том, что Калиныч любит природу, предпочитает больше охотиться с баринством на тетереви, чем заниматься своим хозяйством, а Хорь — практик и интересуется, в бедах с великим писателем, административными порядками за границей, а не водопадами и т. д. — ничего не прибавляет нового к нашим познаниям о человеческих характерах, и даже исполнение рассказа не поражает нас своей художественностью. Рекомендую для проверки прочесть вновь теперь «Хорь и Калиныч». Такой рассказ теперь напишет и Короленко, и Чехов; но ни один из них, конечно, не напишет ни «Рудина», ни «Дворянского гнезда», ни «Накануне», ни «Отцов и детей» и т. п. произведений Тургенева, за которыми он, по преимуществу, считается до сих пор одним из величайших русских писателей. В среде юных деятелей литературы редко обращают внимание на обладающее значение этих произведений Тургенева; но, в оправдание собственных бедств, в разных журналах, постоянно ссылаются на «Хорь и Калиныч», «Изыщов» и «Ближний луг». Непосредственная близость к природе и ее «продукты» — дятлам и мушкетерам!.. восклицают восторженные сторонники «Записок охотника», признавая за ними по преимуществу художественное значение. «Тургенев — кричать они — первый показал нам скрытую красоту в природе и мужиках; никто до него так сочувственно не относился к природе и ее незатейливым и простым сынам! Никаких здесь нет горизонтов мысли, а только красота божьего мира! Эту красоту божьего мира несут и «Рыба» Короленки, и его «Дятло», и «Человечья» Лидия», и «Стихотворения в прозе» Тургенева. Чего же еще надо? Современная беллетристика пренебрегает такими произведениями, и слезу радостно

вспомнить, что теперь уже не путают искусство с проповедью, не бьются за новинками и «забоями», и не понимают поэта, которому

...Диктуешь совет.
Пером сердитый водить ум...

«Откажитесь от этой совети, продолжайте поклонники «красоты божьего мира» и покажите нам скрытую в нас красоту, и мы поклонимся ей, и прославим вас. Правду о нас, правду — покажите!.. Когда вы обнаружите ее — она будет и красотой в то же время. Картины Мейсонье тем и красивы, что они правдивы, близки к подлиннику, независимы от содержания. Какой вдобавит всадник на коне, с трудом укрывающийся, вламываясь от ветра, приводит вас в восторг своей экспрессией и силой душевных ощущений. Недостаток нашего беллетриста в том, что он не довольствуется природой и красотой, а уместует и мудрит над ними, соотносит своему направлению. Как Гейнрих Ибсен, он хочет быть иногда ниже, иногда выше своего обыкновенного я...

... Орлом широким.
При общем ужасе, надъездами горь витать.
На бедню упал и в небо утонать».

С своей стороны, на эту реплику мы отвечаем, что таким «орлом» современный беллетрист, к сожалению, давно перестал быть. Современный писатель не возмущается над обществом и не хлопочет своими образами научить людей смыслу жизни. Он сам не выше их по развитию, но воображает себя правдивым, а рассказы свои — художественными и красивыми.

Эти «беззастенчивки» воспроизводят воробьиный нос и заявляют: воробьиный нос похож на воробьиный нос — какой смысл и глубокая правда... какая в этом красота!.. Сама природа!.. Мейсонье!.. «Хорь и Калиныч»! На правду о типах заново сложившейся жизни — не хватает сил, а потому их произведения являются повторением давно усвоенных идей и образов, или воспроизведением нигде до сих пор не воспроизведенных «воробьиных носов». А правды о нас никто еще не

сказал. Ни нового Рудина, ни Базарова, ни Собаковича, ни деятельного Чичикова наших дней никто не вывел в литературу; а между тем, потребность в помощи Гоголя и Тургенева назрела в современном обществе. Об этой жажде крупного писателя следует настойчиво напомнить нашим Короленкам, Чеховым, Потапенкам, Мажиним-Сибирякам и т. д. Из патентованных критиков никто не спросит современное беллетристика: а что послы Гоголя, Толстых, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Островского, Ткача, Писемского, Щедрина и равных им сил? что новая имена в литературу внесли в нее нового?.. какую правду о жизни они открыли и много ли потеряли тот из нас, кто отлично знаком с писателями старой школы и мало с новыми? Ведь писатель, по мнению Толстого, дорог и нужен нам только в той мере, в которой он открывает нам внутреннюю работу своей души—само собой разумеется, если работа эта новая, а не сдвинутая прежде. Какую же новую работу „своей души“ представляете вы, гг. современные беллетристы, взрослому обществу, воспитавшемуся на писателях 40—60 годов? Что бы литература ни писала, говорит Л. Толстой—„драму, ученое сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, критику, сатиру,—нам дорого в произведении писателя только эта *внутренняя работа его души*, а не та архитектурная постройка, в которую он, уродуя их, укладывает свои мысли и чувства“. Как же „мысли и чувства“ укладываете вы, гг. беллетристы, в свои „архитектурные постройки“, которые могли бы обогатить своей новизной русскую литературу, созданную нашими знаменитыми предшественниками?

— Шекспир писал не новые вещи, а все старое: любовь, гнев, ревность,—и писал отлично! восклицают в защиту себя „безъянники“.

И здесь они поистине не понимают значения Шекспира. Как в учении Христа повторяются не старые мысли Сократа и Будды, а открыты новые и самые чудные мотивы нашей души, кото-

рыми и теперь, и в „отдаленном будущем“ живы люди, так — Шекспир в изображении чувств человека, очень старых и обыкновенных, открыл их разрыв,—не обычность их силы была новизной для читателей Шекспира. А современные „безъянники“ описывают старые и заезженные чувства, ничего не открывая нового и до сих пор хорошающегося в сердцах человека. Это о них говорил Флобер Мопассану,—что в самых обыкновенных вещах есть много неизданного, и если бы писатели не фатализировали о жизни по примеру других, то и обыкновенные вещи были бы у них оригинальнее и, неожиданно для всех, новыми. Но современный роман или повесть уже давно не овеивают русского общества новизной сюжета и оригинальностью мысли. Точно жизнь несколько не изменилась за последние годы и не дает новых отношений между родителями и детьми, любовных фактов о том, на какой почве в настоящее время молодые люди сходятся между собой и отравляют жизнь друг другу: как многолетняя дружба обрывается в двести минут из-за разговора об островах Крита; как честные и просвещенные люди вступают в обязательные отношения с кулаками всяких профессий и потому негодуют на кулаков за то, что последние втрину сами себя; как эти кулаки третируют честных людей и как лживая и продажная женщина, доведи добрейшего человека до самоубийства, его же и оклеветает. Не менее любопытно и микроскопическое представление последних лет: то они зовут своих последователей „в народ“, то проповедают якобинство, то в пастухи к Энгельгардту или в христиане к Толстому идут, то в народники с „нагуральным хозяйством“ и низкими дѣлами на черный хлеб, то в марксисты, а то вдруг в шестую палату „Северного Вестника“. Не смотря, однако, на этих новых людей и новых ртчи, нет до сих пор у нас художника, который увлек бы их в литературных типах. Большое значение имеют эти люди и богаты их жизни красками для бытописателя; но нет для них писателей в подлин-

ной школе. Наши корифеи стоят точно без преемственности в русской литературе. Кое-кто из старых писателей: Толстой, Боборыкин, Шеллер, Полонский, Григорович—да и обчелся—напоминают, время от времени, о существовании в нашей жизни крупных фактов и необходимости писателю выработать себе какое-нибудь отношение к ним: ценить в литературных корифеях не только „Хора и Калиныча“, но лучшие из произведений, с серьезным сюжетом и строгим судом над жизнью и т. д. У многих из них мастерство уже ослабевает, но рука старой школы видна в каждом их произведении. Как же не дорожить этими отголосками на славное прошлое русской литературы по сравнению с современными, так сказать, „железнодорожными“ беллетристами, пишущими о „воробьиных посах“? Разве в табулетной в „Вестник Европы“ роман г. Боборыкина „По другому“—нет знаменательных для нашего времени людей? Недостает у автора художественных сил, но пусть другие писатели опишут их лучше и ярче. Заслуга г. Боборыкина остается в том, что он указывает, за какими серьезными явлениями в современной жизни должен следить писатель и какими интересами служить своим пером. Разве не серьезны и не типичны его Студенцов, Анемонов, Разсудин, Шемадуров, Шпадин, князь Дашев и т. д.? Символика-декадентка Студенцова, начинающая, однако, задумываться над идеями шестидесятилетия Разсудина, встречаешь в Петербурге Анемонова, прототип Ос. Уайльда.

Анемонов начал ей рассказывать о своем визите поэту, которого и она, одно время, считала величайшим из современных лириков. Он напел ей в бѣдной квартирѣ, но при нем несколько его подчинников и молодая женщина, „вся сотканная из милосердия“, ухаживает за ним самоотверженно. Слушая своего приятеля и советника, Студенцова вспоминала, каких правот было всегда этот лирик. Ей случилось как-то читать в газетах процесс, повесть которого его засадили в годъ в

тирму. И она вскинула, когда несколько судейских показания всплыли в ее памяти.

— Тот Анисимов ведет ее смотреть на борьбу силачей и уговаривает: «Мой друг... в вась еще кровен заперты! Вы посмотрите, даже чиновный Петербург начинается проникаться культом прекрасного тела».

Ты же не жалея, когда Студенцова посмотрела в цирк на воию турка с противником, ее начало тошнить. «Что-то прямо животное царло в бятком лабитой зал. Никаких античных форм красоты и телесного изящества не распознавала она в этой «албой волн».

Прежде она признавала идеаль дьвушки в том, чтобы все звать, вездь бывать и все, что не «лтея», презирать... Но как только эта «метафизическая идеализация» прошила отцовское наследие и внезапно осталась без гроша, она очень скоро помирилась с буржуазными веяниями, когда Анисимов предложил ей в любовники богача Дашева и сказала:

— Смотрите, Женя, не упустите момента! Жизнь не прощает ошибок. Вась предостерегает испытанный друг. Вы — на распути. Говорю это не в вид поучения. Мы с вами должны стоять выше прощия. Времи не жде! Что же у вась есть впереди? Сдева! Она мотнула головой.

— Вы талантливы. Но нужно время учиться добывать дебитов. Надабривать вейх, чьмь только молодая женщина может задобрить всякого актера, учителя декламации, режиссера. Que sais-je!

— Что же вы из меня жили тянете, Анисимов? — глухо вскричала она и всплеснула руками... Что я могу сдлать... вот — вь шастоящую-то минуту!

— Самую простую вещь... Позволить мнй принести его в вась.

— Сюда!

— Куда же? Нет никакого мотива упрятать... Чего же вы боптаете?

— Ничего. Мнй все равно. Только не ставте меня перед какой-то стьбой.

— Так можно привести его?

Она кивнула головой, чтобы только онь больше не приставал к вей.

Вот чьмь на практик пахнеть этот «метафизический идеализм» и «культ красоты», как только судьба сталкивает его представителей с суровой действительностью. Шестидесятники, да эта «су-

ровая действительность» несколько отрезвила Студенцову от фразерства. Когда один из гг. Анисимовых читал публичную лекцию о новом направлении, Студенцова уже ненавидела его. «А фразы текли, производились — вь общем жужжанье, сь подъемом голоса в тьх мьстах, гдь докторь, проподносил» аудитории хлесткия определения. Каждый три-четыре минуты слышались обороты и выражения, тожительно выисканные «в тиши кабинета», похожая на тяжелый ливнушки архитектурных орнаментов. Студенцова сначала спокойно отмьчала их, вь ужь, но потом они начали «дергать» ей нервы. Туть были и «стихийный подбор», и «волшебное овеществление», и каки-то «наступенный сомненья», и «заскакивая за барьеры мысли». Дале шле «цели непоколебимых восприятий», «замыслы потребленной совести», «воинствующе взрывы» и «судьба модных предразсуждений».

Вь одном латинском изречении она схватила непонятное ей слово и поспыдала на тот угол, гдь скучились дьвушцы-подростки.

— Хоть бы онь погрудился переводить для этих малолеток! — шепнула она Михалкову.

Вьротно, и студент не все понял вь этой цитате.

— Воть мозница-то безь помоду! — выговорила она про себя.

Но для ней реферат этот сдлался, подь конец, чьмь-то вь родь испытания си собственных взглядов, вкусов, оценок и симпатий.

Вьд и ораторь — противник всякой утилитарной литературы, как и она. И онь стоит за «высоты поэтического творчества» и лэнтельно обозначает все, что не поконте на этих высотах, словами: «так называемая российская словесность». И онь ратует за полнйшую свободу «эстетического созерцания» — совершенно так, как ея приятель Анисимов.

Но почему же ей противно не только то, как онь говорит, но и почти все, что онь говорит. Она давно считает

себя независимой перед какими бы то ни было громкими именами: одним, вь двух мьстах, она даже покаркала, когда онь зачьмь-то пригнул кь отьвту лорда Бакон, как автора «Новинь одапон», назвав его «ограниченным дилетантом разсудочности», а Тона объявил чьмь-то вь родь «облыжного позитивиста».

Ну, развь люди этого настроения не новы и не любознано было бы воспроизвести их вь литературь сь талантом Короленьки, Чехова, В. Гаршина? Но гдь же для них писатель вь плядь пость-реформенных бездистристов? Г. Боборыкину эти новые люди и явления не подь силу, но онь все таки отмьчает их и заинтересовывает нас. Больше крупному дарованию придется воплотить их вь литературные типы, как воплощены Гудинь и Базаров у Тургенева, а Обломов у Гончарова и т. д. Но гдь же это больше крупное дарование вь современной литературь и, если оно есть, то почему наша бездистристика так обмьчала и утратила свою власть надь обществом. Бывало, Лео и Туски («Один вь полдь — не вошь») или нашь Рахметов и Базаров порождали толпу последователей и воспитывали собою цьлы поколения, как до них то же самое дьлали Печорин и Онегин. А теперь на какой тип изь современной бездистристики можно сослаться вь доказательство си силы и обаяния? Предлагаю назвать хоть одинь такой бесспорный и пьмь признанный тип у гг. Короленьки, Чехова, Потапенки и Машина-Сибиряка, — типь который был бы дорогь современному обществу и был бы вьрным олицетворением современного героя и характера общественной жизни. «Безьманики» — воть самое точное определение этих писателей, по Тургеневу.

А — й.

2

3 на одерживе